

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР КИТАЯ

УДК 159.961.3

Н. Н. Власова

ОНЕЙРОМАНТИКА И ФИЗИОГНОМИКА В ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ*

В системе китайских религиозных институтов магия играла и до сих пор играет немаловажную роль. Одна из основных функций мага — занятие мантикой (от греч. *mantike* — искусство прорицания). Отличительной особенностью гадательных обрядов является то, что гадалы ставят перед собой цель узнать о предстоящих событиях, а не вызвать их, действуя по принципу «предупрежден — значит, вооружен». Издревле и до сих пор китайцы по самым разным случаям обращаются к помощи гадалы, мантика стала хорошо оснащенной отраслью деятельности, в которой задействовано большое количество специалистов, передающих знания из поколения в поколение, полноправной профессией наравне с другими ремеслами. К гадалы обращались и правители для принятия важных государственных решений, и простые люди, к примеру для того, чтобы выбрать счастливый день для свадьбы или похорон, узнать судьбу ребенка, выбрать благоприятное место для постройки жилища. В Китае существовало и по сей день существует огромное количество гадательных практик, и среди соседних государств Поднебесная вполне заслуженно приобрела репутацию «родины мантики». Согласно тибетским источникам, в VIII–IX вв. из Тибета в Китай даже отправляли специальных послов с целью заимствования гадательных техник [4, с. 124]. Однако большинство гаданий требуют помимо специальной подготовки еще и особого инструментария (например, наличия гадательных бирок *цянью* (籤), гадательной доски *ши* (式) и т.д.) и весьма сложной подготовительной работы (перед проведением, к примеру, гадания на костях *бу* (蔔) гадающий должен был предварительно очистить лопаточную кость животного, а перед этим еще и совершить жертву). В данной статье нам хотелось бы коснуться двух видов гаданий, не требующих специального инструментария, — онейромантики (тол-

*Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 08-03-12129в, проект «Создания научно-образовательного информационного ресурса “Современное востоковедение” и сети дистанционного обучения восточным языкам и дисциплинам востоковедения» (2008–2010 годы).

© Н. Н. Власова, 2010

кования снов) и физиогномики (принятый в Европе термин не совсем верно отражает суть китайского аналога, но об этом чуть ниже).

Человек проводит во сне около трети всей жизни, при этом во сне наша душевная жизнь кардинально изменяется по сравнению с состоянием бодрствования. В грезах человек внезапно обнаруживает в себе способности, которыми не обладает наяву, переносится в другие края, порой общается с умершими, видит странные картины. Естественно, возникает потребность каким-то образом интерпретировать увиденное. Еще в древние времена причудливые образы, видимые во сне, будоражили воображение. Гадания и предсказания по снам были распространены в Египте и Индии, в античной Греции и Риме. Сильные мира сего привлекали на службу наделенных особым даром предсказателей. К примеру, в ассирийских летописях зафиксирован целый ряд сновидений, которые царь Ашшурбанипал (669 — около 633 до н. э.) видел накануне выдающихся событий, и по этим сновидениям предсказывался исход, который действительно имели эти события [8, с. 38]. Платон в диалоге «Тимей» призывает постичь начало бытия и стать ему ближе, при этом каждому здравомыслящему человеку вменяется в задачу «припомнить и восстановить то, что изрекла во сне пророческая и вдохновенная природа, расчленив все видения с помощью мысли и уразуметь, что же они значат — зло или добро — и относятся ли они к будущим, к минувшим или к настоящим временам» [11, с. 430].

В Китае искусство толкования снов (*мэнчжань*, 夢占) уходит корнями вглубь веков. Вопросы о толковании снов встречаются еще в иньских гадательных надписях [28, с. 17], самых ранних дошедших до нас памятниках китайской письменности, из чего явствует, что правители рассматривали сны как важные знаки и обращались к высшим силам, дабы верно истолковать приснившееся. Считалось, что неправильные действия правителя (вана) могли навлечь на него самого и его семью недовольство духов предков, что выражалось в различного масштаба неприятностях, будь то болезнь самого властителя или кого-то из его близких или стихийное бедствие. Из этих верований в конечном итоге выросла важная для китайской истории концепция «небесного мандата», в рамках которой знамения служили знаками того, что правящий дом утратил легитимность вследствие неправомερных действий. Сны тоже воспринимались как своего рода знамения и знаки. Если в европейской культуре мы говорим о вещих снах как о некоей случайности, когда человеку на короткое время приоткрывают дверцу, чтобы он мог заглянуть в будущее, а любые гадания по снам требуют выполнения целого ряда условий (определенный день недели, проведение специального ритуала перед сном и т.д.), то для китайской культуры любой сон априори мог быть вещим и служил отправной точкой для гадания.

Уже в гадательных надписях эпохи Шан (商朝) фигурирует иероглиф *мэн* (夢), правда, не приводится содержания конкретных снов. В одной из песен древнейшего канонического свода «Ши цзина» (詩經) рассказывается о том, как ван увидел во сне змей и медведей, а гадатель на основании этого сна напроорочил ему многочисленное потомство. В другой песне заснувшим пастухам привиделись стаи рыб, толпы людей и множество змей и соколов («Шицзин», «Малые оды», 小雅). Гадатель и на этот раз истолковал сон в положительном ключе, предсказав урожайный год и увеличение рождаемости. В «Хоу Хань Шу» («Позднеханьской истории», 後漢書) со ссылкой на «Ши цзин» говорится о том, что среди прочих гадательных практик искусство толкования снов занимало особое место, и еще во время Чжоу (周) на должность толкователей снов на-

нимали особых чиновников. Действительно, в каноническом произведении III в. до н.э. «Чжоу ли» («Чжоуский ритуал», 周禮) упоминается, что помимо Великого Гадателя (да бу 大卜), который отвечал за проведение гаданий на костях жертвенных животных бу (卜), на тысячелистнике ши (筮) и гаданий по снам, в штате были и еще два более мелких чиновника, именовавшиеся Толкователями снов (чжаньмэн, 占夢) и занимавшиеся исключительно трактовкой приснившегося [17, с. 74]. В «Чжоу ли» впервые представлена классификация снов, здесь говорится о шести типах снов: 1) обычные сны (чжэнмэн, 正夢); 2) тревожные сны (эмэн 噩夢); 3) рефлексивные сны (сымэн 思夢); 4) грезы наяву (умэн 寤夢); 5) счастливые сны (симэн 喜夢); 6) пугающие сны (цзюймэн 懼夢) [21, с. 169]. Типология основана на том, какие чувства испытывает спящий. Казалось бы, интуитивно всегда кажется, что приятный сон сулит хорошие события, а дурной есть не что иное, как предупреждение о грядущих неприятностях, однако, по китайским представлениям, тревожный или страшный сон вполне мог быть хорошим предзнаменованием, посему на первый план выходит фигура гадающего, который должен принять во внимание все множество факторов и опыт предшествующих поколений. Во время гадания учитывалось множество сопутствующих обстоятельств: положение небесных светил, время сна и физическое состояние человека. Считалось, к примеру, что если сон приснился до полуночи, то он предвещает события отдаленного будущего, а если после полуночи, то сбудется в ближайшее время [18, с. 247]. В «Хуанди нэйцзин» (黃帝內經), одном из древнейших памятников китайской философии и медицины, значение которого для истории китайской науки вообще и врачебных знаний в частности можно сравнить со значением Гиппократовского корпуса и сочинений Клавдия Галена для западноевропейской науки, подробно разбирается, какое влияние оказывает состояние человека на сны; к примеру, при переизбытке энергии инь человек видит во сне наводнения и испытывает страх, а при переизбытке энергии ян — пожары [21, с. 170]. Таким образом, сны можно рассматривать и как важное средство для диагностики различного рода заболеваний.

Наиболее полная классификация типов снов представлена в сочинении «скептика» времен поздней Хань Ван Фу (王符, 90–165). Согласно предложенной им в труде «Цяньфулюнь» («Комментарии отшельника», 潛夫論) типологии, сны могли быть «прямые» (чжи, 直), когда спящий видит непосредственно грядущие события, «символические» (сян, 象), иносказательные, в которых будущее предстает в символическом образе, «духовные» (цзин, 精), знаменующие духовный настрой, и близкие к ним «мыслительные» (сян, 想), отражающие навязчивые мысли спящего, «личностные» (жэнь, 人), определяющиеся статусом спящего, «восприимчивые» (гань, 感), воспроизводящие образы природных стихий, «сезонные» (ши, 時), толковать которые нужно было с помощью натурфилософских теорий, «противоположные» (фань, 反), которые следует понимать в обратном смысле, «сны о болезнях» (бин, 病), название которых говорит само за себя, и «характерные» (син, 性), отражающие темперамент человека [4, с. 141]. Приведем несколько примеров. В одном из известнейших памятников китайской словесности сборнике Гань Бао (干宝 ?–336) «Записки о поисках духов» (搜神記), повествующем об удивительных событиях, цзюань десятая целиком посвящена разного типа снам, среди которых в том числе много снов символических. К примеру, супруге Сунь Цзяня (孫堅), когда она была беременна первым сыном, приснилось, что в ее утробу вошла луна, а во время второй беременности сон повторился, но на этот раз это было солнце. Сунь Цзянь сам взялся истолковать ее сон и пришел к выводу, что солнце и луна сим-

волизируют семена темной и светлой сил, инь и ян, а вместе они являются символом наивысшей знатности, следовательно, весь его род ждет успех и слава. Правда, старший сын Сунь Цэ (孫策) рано умер, зато Сунь Цюань (孫權), унаследовавший престол после гибели брата, считается одним из самых значительных правителей княжества У (吳). Аналогичная легенда сопровождает, кстати, и рождение прославленного ханьского императора У-ди (武帝), мать которого во сне увидела солнце, вошедшее ей в утробу. Солнце явно символизирует правителя. Цао Цао (曹操) приснился сон, в котором на небе появилось второе солнце, и он понял, что правитель княжества У станет-таки императором [20, с. 227].

Символические сны встречаются в китайской литературе в огромном количестве. Нужно отметить, что сон вообще является важным художественным приемом. Наверное, даже люди, далекие от синологии, знакомы с сюжетом о Чжуан-цзы и бабочке¹. В «Ле-цзы» (列子) мы встречаем весьма подробный рассказ о том, как Желтый владыка, заснув днем, попал в страну Хуасюй, своего рода китайский вариант Утопии, где ни начальников, ни подчиненных, и все дела ладятся сами собой. В людях нет ни корысти, ни похоти. Жители Хуасюй не радуются жизни и не боятся смерти, не знают, что такое ставить себя выше других, и поэтому такие чувства, как любовь и ненависть, им неизвестны. И странствуют они всюду, где захотят, перемещаясь «собственным духом». В итоге Желтый император, проснувшись, перенял некоторые увиденные во сне принципы управления, и Поднебесная в течение двадцати лет процветала («Ле-цзы», 列子, глава 2, «Хуан-ди», 黃帝).

Во сне герои прозревают, узнают о грядущих событиях; сон помогает расставить по полочкам те мелкие детали действительности, которые во время бодрствования ускользают от их внимания. В качестве примера можно привести знаменитую новеллу Шэнь Цзи-цзи «Волшебное изголовье», в основу которой лег сюжет другой крохотной новеллы «Изголовье из кедра». Главный герой, честолюбивый юноша по фамилии Лу, ищущий в жизни только успехов в карьере государственного служащего, однажды на постоялом дворе встречает старца по фамилии Люй — это, по всей видимости, не кто иной, как один из восьми даосских бессмертных Люй Дун-бинь (呂洞賓). Старец с помощью волшебного изголовья демонстрирует заносчивому юноше, что жизнь — лишь быстротечный сон, исполненный страданий. В итоге знатный сановник, которым стал во сне Лу, умирает, а юноша просыпается, осознав всю тщетность своих стремлений. В канву повествования часто вплетены рассказы о снах, чаще всего символических, которые видят герои. И если в ранних текстах сны довольно «плоские», статичные, где спящий не является активным участником событий (ср. сны, описанные в «Книге песен»), то с развитием литературных жанров, особенно художественной беллетристики, они становятся все более объемными, красочными, разноплановыми, многослойными, со множеством исторических аллюзий и витиеватых ассоциаций. Например, в романе «Речные заводы» Ши Най-аня (1296?–1370?) староста Чао Гай обдумывает предстоящее мероприятие — планирует отобрать нажитое нечестным путем богатство, которое вельможа отправляет в подарок своему тестю, и видит вещий сон, в котором все семь звезд Северной Медведицы упали на крышу дома, и одна небольшая звезда полетела дальше, оставляя за собой светлый след, предопределив тем самым количество участников планируемого ограбления. В известном бытописательном романе «Цветы сливы в золотой вазе» одна из героинь видит странный сон и просит прорицателя растолковать его: «Мне приснились огромные палаты, которые должны вот-вот рухнуть, — рас-

сказывала Юэнян. — Я была одета в красное. У меня сломалась бледно-голубая нефритовая шпилька. Потом я уронила восьмиугольное зеркальце, и оно разбилось. — Я вам растолкую ваш сон, сударыня, только на меня не обижайтесь, — произнес монах. — Готовые рухнуть палаты предвещают несчастье вашему супругу. Красные одеянья — вам скоро предстоит облачиться в траур. Поломанная шпилька сулит прощание с вашими сестрами, а разбитое зеркало — близкое расставание супругов. Вещий сон! Не к добру!» [14, с. 338]. В романе Цао Сюэ-циня (1715?–1762?) «Сон в красном тереме», где сон как художественный прием играет чрезвычайно важную роль (главный герой Бао-юй посещает обитель Небесных грез и встречает фею, которая в иносказательной форме открывает ему судьбы его подруг — сестер и любимых служанок, однако, проснувшись Бао-юй напрочь забывает приснившийся сон, который начинает сбываться на страницах книги). Фэнцзе во сне является госпожа Цинь, которая раскрывает «небесную тайну», прочитав стихотворение, в иносказательной форме предвещающее, что всем сестрам сада Роскошных зрелищ предстоит проститься с домом, а проснувшись, Фэнцзе узнает о смерти госпожи Цинь. Иногда героям сняться сны, которые предрекают будущее уже не в иносказательной форме, а просто показывают точную картинку того, что произойдет: в сборнике Гань Бао «Записки о поисках духов» некто Се Фан увидел сон про своего приятеля по фамилии Го — якобы тот умер, и Се совершает над ним погребальный обряд. На следующий день Го действительно умер, а похоронные принадлежности для него пришлось готовить Се, совсем как во сне, который, по классификации Ван Фу, стоит отнести к прямым снам.

Что касается теории толкования снов, то в эпоху Мин приобрело популярность сочинение Чэнь Шиюаня (陳士元) «Мэнчжань ичжи» (夢占逸旨), законченное приблизительно в 1562 г. Чэнь Шиюань обобщил опыт предшественников. Он, как и Ван Фу, полагал, что сны связаны со способностью «эфирной» души человека «хунь» (魂) покидать тело и запоминать то, что она видела. В своей работе Чэнь Шиюань выделяет три типа толкований снов: по аналогии с толкованиями, зафиксированными в исторических хрониках и классической литературе, прямое толкование и толкование, основанное на анализе слов. Прямое толкование сна чаще всего подразумевало, что значение сна лежало на поверхности. К примеру, в романе Ло Гуаньчжуна (1330?–1400?) и Фэн Мэнлуна (1574–1646) «Развеянные чары» отцу Ван Цзэ приснилось, будто в его доме остановилась танская государыня У Цзэтянь (武則天) и предрекла рождение выдающегося сына, который станет основателем династии и прославит свой род. А на следующее утро ему доложили, что у жены действительно родился сын. Вспомнив о вещем сне, богач дал мальчику имя Цзэ в честь танской государыни [24, с. 246]. Заметим, что в китайской культуре вообще распространена традиция брать имена из снов. Считалось, что имя во многом определяет судьбу человека, оттого к выбору имени для ребенка подходили очень обстоятельно. По легенде, мать одного из правителей царства Цзинь (晉) увидела во сне, что у нее родился ребенок с черными ягодицами, и дух сообщил ей, указывая на ребенка, что это признак будущего правителя, в итоге мать дала новорожденному имя Хэйтунь (黑臀), т.е. «Чернопопый». Мать прославленного полководца Юэ Фэя (嶽飛), возглавившего оборону страны против вторжения чжурчженей, перед рождением сына якобы увидела во сне, что на крышу ее дома села огромная птица Пэн (鵬), в итоге она назвала мальчика Фэй («летающий»), а второе неофициальное имя Юэ Фэя — Пэнцзюй (鵬舉) [28, с. 116]. Прямое толкование не всегда означало, что смысл сна лежал на поверхности, периодически оно связано с «просветлением», неким духовным озарением,

которое снисходило на гадающего. Толкование снов, построенное на идеографическом анализе, напоминает иероглифические загадки. В «Хоу Хань Шу» рассказывается о том, как Цай Мао увидел во сне колосья, попытался сорвать их, но тут же выронил. Сон был истолкован так: иероглифы «колос» (禾) и «терять» (失) вместе означают «служебное положение» (秩), т.е. сон сулит карьерные достижения и продвижение по службе (Раздел «Биографии», глава 16, жизнеописание Цай Мао, 蔡茂传). В новелле Пу Сунлина (1640–1715) «Приговор на основании стихов» некоего У Фэйцзина обвинили в убийстве женщины. У отрицал свою вину, однако все улики указывали на то, что преступление совершил именно он. У, не выдержав, подкупил одного из тюремных смотрителей и попросил приобрести ему яду, однако в ту же ночь ему явился дух и велел не впадать в уныние, сообщив, что хоть несчастье и настигло извне, зато удача ждет внутри. Иероглиф «удача» (吉), заключенный в рамку, превращается в фамильный знак Чжоу (周). В итоге дело было раскрыто усилиями начальника уезда Чжоу Юаньляна, и ни в чем не повинного У оправдали. Очень часто гадатели привлекали к толкованию сна и другие методики предсказаний, например «Ицзин» — «Книгу перемен». В исторических летописях эпохи Троецарствия (三國) встречается эпизод, когда Дэн Аю накануне военного похода приснился сон, будто он смотрит с горы вниз, а у ног его внезапно забурлил источник, на поверхности которого запрыгали пузыри. Сон растолковали так: вода на горе по «Ицзину» означает затруднение. Триграмма «затруднение» может быть истолкована как удача на юго-западе и неудача на северо-востоке, а это, по словам Конфуция, сулит удачу, но скорую гибель, т.е. Дэн Ай завоевывает царство Шу, но, увы, не вернется оттуда (Саньго чжи, история царства Вэй, биография Дэн Ая, 魏書·鄧艾传).

Чэнь Шиюань считал, что немалую роль играет и индивидуальная судьба человека, а также положение его в обществе, и если везучие люди видят дурной сон, он вовсе не обязательно предвещает неприятности. Более того, сон во многом продукт «скоропортящийся», а значит, чрезвычайно важны контекст и обстоятельства, при которых человек увидел тот или иной сон. В качестве примера можно привести знаменитую историю об изменчивом сне, произошедшую в эпоху Троецарствия: как-то раз к прославленному толкователю снов Чжоу Сюаню пришел человек, который сказал: «Прошлой ночью мне приснилась соломенная собака. Какое значение имеет этот сон?». Чжоу Сюань предсказал, что вскоре его пригласят на пир. Так и случилось. Через некоторое время тот же самый человек пришел и сообщил, что снова видел во сне соломенную собаку, но на этот раз Чжоу предупредил, что сон сулит неприятности, скорее всего он может упасть с повозки и сломать ногу. И снова слова предсказателя сбылись. Затем этот человек пришел к Чжоу Сюаню в третий раз и попросил растолковать все тот же сон, в ответ Чжоу напоролил пожар, который действительно вскоре случился. На вопрос, почему толкования были столь различными, Чжоу объяснил, что соломенная собака — это священный символ, который древние использовали как жертву богам. Сперва ее ставили на стол во время важной церемониальной трапезы, а по окончании церемонии, бросали на дорогу и переезжали телегой, после чего сжигали. Интересно, что во многом работа Чэнь Шиюаня напоминает труд Артемидора Далдианского, жившего в Лидии во второй половине II в. н.э., который первым собрал и систематизировал толкование сновидений в своем соннике «Онейрокритика»: сны подразделялись на «прямосозерцательные», или видения, в которых напрямую показано будущее, и «аллегорические», в которых будущее предсказано метафорически; при этом, согласно его теории, приятный сюжет не всегда означал такое же приятное воплощение в жизни. Артемидор, как

и китайские авторы, полагал, что эмоции не являются основным фактором, и отрицательные эмоции во сне могут предсказывать благоприятные события. Главным показателем, по Артеmidору, являлись значения символов, а не сила эмоций.

Интерес к толкованию снов испытывали многие люди, однако не у всех хватало времени и образования изучать фундаментальные труды типа сочинения Чэнь Шиюаня. Среди обывателей большой популярностью пользовались упрощенные сонники, в которых содержались готовые толкования снов, оставалось лишь определить лейтмотив сна и заглянуть в соответствующую категорию. Один из известных сонников носил название «Сонник Чжоу-гуна» (周公解夢). Чжоу-гун — младший брат У-вана, основателя династии Чжоу, его за добродетели и мудрость приравнивают к великим императорам древности. Происхождение сборника до сих пор остается под вопросом, однако уже в работах авторов эпохи Мин (明朝) на него ссылаются как на авторитетное издание, т.е. он был создан еще раньше. В эпоху Цин (清朝) имели хождение несколько вариантов сонника, иногда его печатали в популярных альманахах. Сны в подобных изданиях делились на категории: 1) связанные с движением небесных тел (солнца, планет, звезд и т.д.), например: «Если увидишь падающую звезду, то твой дом в опасности»; 2) сны, связанные с рельефом местности («Если во сне увидишь прямую дорогу — быть большой радости»); 3) сны, в которых фигурируют части тела («Если во сне видишь себя с длинными волосами, то это предвещает долгую жизнь», «Если во сне изо рта идет кровь — к удаче», «Если во сне выпадают зубы — сын разбогатеет», «Видеть себя со спутанными волосами — к неудачам в делах»); 4) сны о предметах одежды; 5) сны о мечах, ножах, знаменах («Увидеть во сне меч — к богатству»); 6) сны о чиновниках; 7) сны о зданиях (домах, дворцах, зернохранилищах и т.д.); 8) сны об архитектурных деталях зданий и отдельных помещениях («Увидеть во сне очаг — к рождению сына»); 9) сны о драгоценностях (золото, серебро, жемчуг, нефрит) («Увидеть во сне золото и нефрит — к большому богатству»); 10) сны о туалетных принадлежностях, включая зеркала, браслеты, шпильки и гребни для волос («Если во сне видишь свое смеющееся отражение в зеркале — жди обиды»); 11) сны о транспортных средствах («Если путешествуешь в повозке — жди назначения на службу»); 12) сны о дорогах, мостах и рынках; 13) сны о семейной жизни («Если во сне жена подносит нож — жди рождения сына», «Если супруги во сне друг другу кланяются, то наяву расстанутся»); 14) сны о еде и напитках («Если снится, что ты сильно пьян, то опечалишься из-за болезни»); 15) сны о похоронах, погребальных церемониях и похоронных принадлежностях («Если хоронишь во сне родителей, то это сулит богатство», «Увидеть во сне покойника — к обогащению»); 16) сны о писчих принадлежностях; 17) сны о счастливых и несчастных событиях («Если во сне льешь слезы, наяву ждет большое счастье», «Если увидишь во сне танцующих и поющих людей, то тебя ждет удача»); 18) сны религиозного содержания; 19) сны об убийствах и драках; 20) сны сельскохозяйственной тематики; 21) сны о стихийных бедствиях, нападениях разбойников и мятежах; 22) сны о нечистотах, грязи и уборке («Если видишь себя обмазанным нечистотами, то тебя ждет удача»); 23) сны о диких животных, включая змей и драконов («Увидеть во сне летящих птиц — к дальней поездке», «Если во сне едешь на тигре, то ждут успехи в карьере»); 24) сны о домашних животных и скотине («Если во сне едешь на белой лошади — быть похоронам»); 25) сны о черепахах, рыбе и насекомых («Если во сне увидишь рыбу, то все дела пойдут как по маслу», «Если снится, что змея заползла за пазуху, то сон предвещает рождение сына», «Увидевший во сне красную змею опечалится из-за болезни») [28, с. 161–171]. Категории

не всегда очевидны, не всегда логичны и периодически перекликаются друг с другом, но то же самое мы наблюдаем и в русских сонниках. Некоторые толкования снов нашли бы отклик у представителей разных культур, поскольку прямые ассоциации по типу «приятно-неприятно» у разных народов похожи, другие же аллюзии специфически китайские, к примеру сложно понять, что восьмицветные брови во сне — это добрый знак, если не знать, что такими же бровями обладал легендарный император Яо, а для человека, незнакомого с легендой о сне матери танского императора, покажется удивительным, почему сон о том, как птица проникает кому-то в утробу, может предвещать рождение сына, который прославит весь род. Очень часто мы сталкиваемся с толкованиями от противного, к примеру сон о мирной семейной жизни пророчил ссоры и даже расставания, тогда как семейные стычки и даже драки между супругами снились к гармонии в браке. Как и в случае с мантикой в целом, искусство толкования снов стало выгодной отраслью, приносившей гадалеям стабильный доход. За определенную плату гадалец мог написать специальный защитный амулет, который не позволял сбыться плохому сну [18, с. 257].

Еще одним видом мантики, не требующим специального инструментария, является физиогномика. Физиогномика (сян, 相), ставшая полноценной отраслью традиционной медицины, имела широкое распространение уже в ханьском Китае, правда, как мы уже говорили выше, принятый в Европе термин не совсем верно отражает содержание китайского аналога, обозначающего не только лицо, но и другие части тела. Еще в классических текстах говорится, что моральный облик человека отражается на внешности, гадалец-физиогном, учитывая все приметы, связанные с формой глаз, носа, рта, расположением родинок и т. д., могли не только рассказать о характере человека, но и предсказать его будущее.

Китайские исторические тексты переполнены жизнеописаниями императоров, правителей, великих мудрецов. При этом древняя китайская физиогномика приписывала выдающимся правителям черты лица, которые отличали их от толпы обывателей и говорили об исключительности, к примеру драконоподобные черты первого императора Фуси (伏羲), Желтого императора (黃帝) и других более поздних правителей Китая. По одной из версий, у Желтого императора было четыре лица, что удобно для верховного правителя, поскольку можно наблюдать сразу за всеми четырьмя сторонами света, а по другой — у него было четыре глаза [16, с. 89], а у императора Яо (堯) брови переливались всеми цветами радуги. Изначально исследования физиогномистов сводились к поискам на лицах знаков высшей власти, причем те черты, которые в рамках европейской культуры воспринимались бы как врожденное уродство, в Китае зачастую считались уделом избранных, свидетельством милости небес. В ханьском сборнике «Дадай лицзи» (大戴禮記) говорится, что уже легендарные правители выбирали себе в услужение людей исходя из их внешности, голоса, цвета лица [27, с. 59]. В классическом тексте «Цзочжунань» (左傳) встречается много эпизодов, в которых фигурирует гадание по внешнему облику человека. Например, известное изречение «дух Жо-ао будет голодать», которое фигурирует в том числе в «Подлинной истории А-кью» Лу Синя как характеристика бездетного героя, восходит к истории о том, как Цзы-вэнь из рода Жо-ао потребовал, чтобы его младший брат убил своего новорожденного сына, походившего внешне и голосом на дикого зверя, ибо в противном случае всему их роду грозила гибель и тогда некому было бы кормить души предков, обитавшие в загробном мире [27, с. 61–62]. В другой истории, рассказанной в «Цзочжунань», Чжоуский ван отправил советника в го-

сударство Лу для участия в похоронах. Гунсунь Ао, узнав, что тот хорошо умеет гадать по лицам, попросил предсказать будущее двух его сыновей, и гадатель сообщил, что их ждет великое будущее [19, с. 163].

Среди китайского народа основателем физиогномики считается Гуй Гу-цзы (鬼穀子), живший в период Сражающихся царств. Предание гласит, что правитель царства Ци призвал к себе Гуй Гу-цзы, чтобы проконсультироваться относительно предстоящей военной экспедиции против соседнего государства. Император попросил гадалею по лицу сказать, каков будет результат похода, не назвав при этом дату, на которую планировалось наступление. Мудрец почти сразу ответил, что у правителя возникнут серьезные неприятности в случае, если речь идет о событиях ближайшей недели, как на самом деле и планировалось. Однако правитель пренебрег советом гадалеи и выступил в поход. Армию его разгромили, а самого правителя ранили, и вскоре он скончался.

В ханьскую и последующие эпохи физиогномика играла важную роль, о чем свидетельствуют различные исторические источники, например «Шицзи» (史記) и «Ханьшу» (漢書). В «Шицзи» в разделе биографий часто фигурируют описания внешности с указанием на то, что по чертам лица можно определить судьбу человека. Вот как описывается, к примеру, Цинь Шихуан (秦始皇): высокая переносица, длинные узкие глаза, грудь как у птицы, голос как у волка [27, с. 63]. В «Ханьшу» находим рассказ о том, как прославленный чиновник времен Западной Хань Хуанба (黃霸) выбрал себе жену. Однажды он ехал вместе с гадалею-физиогномом, и по пути им встретилась девушка. Гадалец внимательно посмотрел на нее и сказал, что эта девушка непременно должна стать знатной, в противном случае его гадания можно было бы считать вовсе ничемными. Хуанба прислушался к его словам и взял девушку в жены [21, с. 64]. Тут, конечно, можно поспорить о причине и следствии, но факт остается фактом — к словам физиогномов относились со всей серьезностью при принятии решений.

Фактически для гадалеи лицо с начертанной на нем «врожденной информацией» становилось текстом, который нужно было правильно прочесть и растолковать. «Чтение лица» начиналось, как правило, с макроанализа, связанного с тремя ключевыми концепциями, которые называются «три двора», «пять вершин» и «двенадцать дворцов». Толкователь обычно мысленно делил лицо человека, для которого проводилось гадание, на три зоны: пространство от границы роста волос до переносицы называлось «верхним двором», от переносицы до кончика носа — средним двором, а от кончика носа до подбородка — «нижним двором». Верхняя часть соотносится с небом, средняя — с человеком, а нижняя — с землей. В этих соответствиях отражается концепция триады неба, человека и земли, являющаяся основой традиционной китайской культуры и философии. Кроме того, три двора соответствуют трем жизненным стадиям. Верхняя часть расскажет опытному физиогному о детских годах и молодости, средняя — о зрелости и нижняя — о старости. Выше мы приводили пример истории Гунсунь Ао, который попросил гадалею предсказать будущее его сыновьям. В том же тексте объясняется, что у обоих юношей были выступающие подбородки, верный признак того, что к старости они добьются немалых успехов [19, с. 163], особенно с учетом концепции «пяти вершин». Пять выступающих черт лица (лоб, нос, подбородок и скулы) соответствуют пяти священным горам Китая: лоб уподобляется горе Хэншань на юге страны, нос — горе Суншань, расположенной в центральной части, подбородок — горам Хэншань на севере, левая скула — Тайшань на востоке, правая — горе Хуашань на западе. Считается, что у человека все «пять вершин» должны быть ярко выражены, тогда его

ждет благосостояние, карьерный рост и высокое положение в обществе. Система «двенадцати дворцов» — еще один способ прочесть на лице судьбу человека. Двенадцать дворцов — это двенадцать зон, на которые мысленно делилось лицо. Каждая из зон отвечала за определенную сферу жизни человека. Например, «дворец богатства» включает в себя кончик и крылья носа. Эта зона говорит о способности человека зарабатывать деньги, потому полный, круглый кончик носа с мясистыми крыльями и некрупными ноздрями считается весьма благоприятным признаком, к его обладателю деньги так и липнут. Под висками расположены зоны, отвечающие за брак, так называемые «дворцы супружества», которые указывают на то, какая семейная жизнь ждет их обладателя.

После проведения общего анализа лица начинался микроанализ отдельных его черт. Гадатели-физиогномы связывали формальные признаки формы лица (хотя и не ограничивались только лицом) с чертами характера и моральными качествами. Различные ментальные качества связывали также с формальными характеристиками лица человека. Так, «драконов лоб» (круглый, с чуть выступающими надбровными дугами) считался признаком «породы», такая форма лба фигурирует в описаниях внешности многих императоров. Крупный нос являлся знаком высокого положения в обществе, авторитета и непоколебимых моральных принципов. В трактатах по физиогномии встречаются носы самых разнообразных форм: нос тигра, нос слона, нос обезьяны, нос-луковица, нос в виде птичьего клюва и др. Лю Бан (劉邦), основатель династии Хань, якобы был обладателем очень большого и длинного носа. Глазам отводилось особое место. Маленькие, длинные и узкие и косящие глаза — признаки жестоких людей, с которыми стоит держать ухо востро (именно такими глазами, согласно легенде, обладал суровый правитель времен Троецарствия Цао Цао). Большие же глаза приписывались верным и проницательным людям. Считалось, что чем больше уши, тем лучше. У нас распространена поговорка «не видать как своих ушей», однако, если верить древним трактатам, некоторые великие мужи вполне могли увидеть мочки собственных ушей, к примеру так описывают Лю Бэя (劉備), одного из могущественных полководцев эпохи Троецарствия. В книге «Древнекитайская проза и магия» нам встретился целый список исторических деятелей, в описании внешности которых фигурируют большие уши, среди прочих в него попали Лю Бан и основатель династии Цзинь Сыма Янь (司馬炎) [20, с. 109]. Китайцы, несмотря на относительно слабо развитый волосяной покров, очень внимательно относились к его присутствию на лице (но не на теле) в виде бороды и усов. Считалось, что густая борода говорит о благожелательности и храбрости могучего правителя, поэтому многие императоры и мудрецы изображаются с окладистыми бородами, какие у представителей монголоидной расы практически не встречаются. Хорошим знаком считалось и наличие густых бровей. Помимо черт лица физиогномы обращали внимание на рост, общую статью человека, цвет лица, зубы, расположение родинок и даже на такие трудно анализируемые вещи, как звук голоса. К примеру, физиогномы считали признаком жестокости прославленного императора Цинь Шихуана тот факт, что голос его напоминал волчий вой.

В эпоху Троецарствия жил прославленный гадатель Гуань Лу (管輅), который владел множеством методик гадания, в том числе умел гадать и по лицу. Про него известно, что он отличался внешностью безобразной: лоб без кости, глаза без век, нос без переносицы, а в позвоночнике недоставало трех позвонков. Сам Гуань Лу предсказал себе довольно короткую жизнь, и действительно скончался он в возрасте сорока восьми лет. В одном из эпизодов главы «Троецарствия», посвященной Гуань Лу, рассказыва-

ется о том, как гадатель по лицу молодого человека прочел, что тому в скором времени предстоит умереть, но, пожалев красивого юношу, помог ему избежать смерти. Ту же историю находим мы и в сборнике Гань Бао «В поисках духов» в цзюани третьей, посвященной гадалеям и прорицателям. В романе «Развеянные чары» Ван Цзэ в детстве столкнулся с гадалею, тот внимательно поглядел на мальчика и сказал, что, судя по сложению, он в ближайшие тридцать лет совершит много необыкновенного, но будет жестоко наказан — лишится всех своих близких и наследственного имущества.

В целом физиогномика оказала важное влияние не только на литературную традицию (а именно — на портретные описания главных действующих лиц), но и на живопись. В физиогномической практике и теории портрета применялись схожие схемы, и даже терминология использовались та же самая. Физиогномические термины «пять вершин», «три двора» применялись и в портретной живописи. Все разнообразие черт сводилось к нескольким типам: двадцать четыре типовых формы бровей, двадцать пять форм носов, шестнадцать форм ртов и т.д. [6, с. 602]. При этом в традиционном китайском портрете акцентировались те черты лица, которые имели благоприятные значения, фактически подгонялись под благоприятную физиогномическую схему, проносящую знатность и богатство потомкам изображенного человека.

В культуре Китая важную роль играла традиция истолкования разного рода знамений, которая восходит, как мы уже говорили выше, к верованиям Шан, при этом институт гадалей занимался тем, что расшифровывал знаки, которые посылало Небо, якобы оценивая деяния власть имущих. К примеру, в трактате «Хун фань» (洪範), говорится, что «непрекращающиеся ливни символизируют распущенное поведение правителя; а его ошибки символизируют непрекращающееся солнечное сияние; признаком лени правителя будет жара, неосмотрительность символизируется непрекращающимся холодом, а глупость правителя — непрекращающимся ветром» [27, с. 100]. В итоге появилась традиция осмыслить, расшифровать и переложить на язык радио то, что априори выходит за пределы основанной на социальных клише человеческой логики; причем таким образом осмыслить можно было все, в чем могло бы угадываться присутствие невыразимого высшего закона — явления природы, порожденные коллективным гением народные песни, случайно подслушанные обрывки фраз и пр. Существовал, к примеру, особый вид поэтических текстов, так называемых «детских песенок», которые тоже трактовались как знамения [7, с. 237]. Считалось, что высшие силы через детей могут изрекать свои волеизъявления, расшифровав которые, можно было понять, довольно ли Небо происходящим в мире людей, а также предсказать грядущие события. В эту систему вписываются и рассмотренные два типа гаданий, гадание по снам и гадание по лицу, поскольку провидцы, взяв за основу вполне обыденные имманентные явления (врожденную способность человека видеть сны и внешность), переосмысливали их, выводя на поверхность необходимую информацию, становясь посредниками в общении между высшими силами и обычными людьми, не обладающими даром и необходимыми знаниями. Способность рационализировать иррациональное становится неотъемлемой чертой северной китайской субкультуры, а затем и всей культуры Китая вплоть до XX в. На этом основывается не только система всевозможных гаданий, но и принцип советничества императору, основа конфуцианской системы социального устройства.

Конфуций в свое время заметил, что «Небо не говорит», а значит, только мудрый советник, чувствующий высшую вибрацию мироздания, может истолковать бесконечное число символов, пронизывающих события и поступки, или же профессиональный

гадатель способен правильно считывать знаки, которыми буквально наполнена вся жизнь, раскрывать внутреннюю суть явления, чтобы постичь истинные желания Неба. При этом институт советников, а часто именно гадалек и магов, нередко оказывается сильнее института правителей, поскольку в конечном итоге правители то и дело обращались за советом к магам и действовали по их указке.

Примечания

¹ В названном сюжете мудрец Чжуан-цзы видит во сне, что он стал мотыльком, и, проснувшись, никак не может понять, то ли это мотыльку приснилось, что он Чжуан-цзы, то ли Чжуан-цзы видел во сне, что превратился в мотылька.

Литература

1. *Артемидор*. Сонник. Онейрокритика. СПб.: Кристалл, 1999.
2. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае, М., 2001.
3. Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII–IX вв.) / Пер. с кит. И. Соколовой и О. Фишман. М.: Художественная литература, 1970.
4. Духовная культура Китая. Энциклопедия: В 5 т. Т. 2. Мифология. Религия / Ред. М.Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2007.
5. *Ермаков М.Е.* Магия Китая. Введение в традиционные науки и практики. СПб., 2003.
6. *Кравцова М.Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. СПб., 2004.
7. *Кравцова М.Е.* Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.
8. *Леманн А.* Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. Киев, 1993.
9. *Ло Гуаньчжун*. Троецарствие: В 2-х т. М.: Художественная литература, 1954.
10. *Ло Гуаньчжун, Фэн Мэнлун*. Развеванные чары. М.: Художественная литература, 1983.
11. *Платон*. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.
12. *Пу Сунлин*. Монахи-волшебники: Рассказы о людях необычайных. М.: Правда, 1988.
13. *Цао Сюэ-цин*. Сон в Красном тереме: В 2 т. М.: Художественная литература, 1958.
14. Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй: В 2 т. М.: Художественная литература, 1986.
15. Ши Най-ань. Речные заводы: В 2 т. М.: Гослитгиздат, 1955.
16. *Юань Кэ*. Мифы древнего Китая. М., 1965.
17. *Brennan J.* The Dream, Divination and Statecraft: The Politics of Dreams in Early Chinese History and Literature // The Dream and the text. Essays on Literature and Language / Ed. by C.S. Rupprecht. State University of New-York Press, 1993. P. 73–103.
18. *Smith R.* Fortune Tellers and Philosophers. Divination in Traditional Chinese Society. Westview Press, 1991.
19. Ван Юйдэ. Шэньмидэ Шушу. (Магические практики) 王玉德. 神秘的術數. Наньнин, 2003. С. 163–190.
20. *Вань Цинчуань*. Чжунго гудай сяошо юй фаншу вэнхуа. (Древнекитайская проза и магия) 萬晴川. 中國古代小說與方術文化. Пекин, 2005.
21. *Вэй Шаошэн*. Шэньми юй миван: Чжунго гудай фаншу чаньши. 衛紹生. 神秘與迷惘: 中國古代方術闡釋. Чжэнчжоу, 2006.
22. *Гань Бао*. Соу шэнь цзи. (Записки о поисках духов). Знаки препинания расставлены Ху Хуай-чэнем. 幹寶. 搜神記. 胡懷琛標點. Шанхай, 1957.
23. *Ло Гуаньчжун*. Саньго яньи (Троецарствие). 罗贯中. 三国演义. Пекин, 1993.

24. Ло Гуаньчжун, Фэн Мэнлун. Пиняочжуань (Развешанные чары) 罗贯中, 冯梦龙. 平妖传. Чанша, 2000.
25. Лю Вэньин. Синчжань юй мэнчжань. (Гадания по звездам и гадания по снам). 劉文英. 星占於夢占. Пекин, 2008.
26. Цао Сюэцин. Хунлоумэн (Сон в красном тереме). 曹雪芹. 红楼梦. Пекин, 2007.
27. Чжан Жунмин. Фаншу юй чжунго чуаньтун вэньхуа. (Магия и традиционная культура Китая). 張榮明. 方術與中國傳統文化. Шанхай, 2005.
28. Чжу Ганьшэн. Чжунго Гудай Мэнчжань. (Древнекитайские гадания по снам). 褚贛生. 中國古代夢占. Пекин, 2008.
29. Ши Най-ай. Шуйху чжуань (Речные заводи). 施耐庵. 水浒传: В 2 т. Пекин, 2007.